

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В КАЛМЫКИИ В 1920–1930-е гг.

Всестороннее исследование развития советского общества в довоенный период представляет значительный интерес для современной отечественной науки. Изучение советского общественно-политического проекта, в основе которого лежала ленинская идея «построения в СССР бесклассового общества и достижения полного социального равенства людей» [Ленин 1969: 15], особенно важно в наше время, когда идет активный процесс выстраивания новой системы социальных отношений, которая, безусловно, должна строиться с учетом позитивного опыта советского государства в области социально-культурной, национальной и демографической политики. Актуальность темы исследования обусловлена еще и тем, что в рамках советского периода отечественной истории был проведен уникальный опыт социально-культурной модернизации так называемых «малых народов», к числу которых относили и калмыков. Изучение и обобщение практики социально-культурных изменений в советский период на примере одного из отсталых в 20–30-е гг. XX в. и в то же время самобытного национального района России — Калмыкии, безусловно, поможет углубить наше общее представление о социалистической модернизации и о советском периоде в целом.

Калмыцкая автономная область в первое десятилетие советской власти оставалась регионом преимущественно аграрным. Ее индустриальное развитие определялось общими закономерностями

ми индустриализации страны в целом. Вместе с тем оно имело свои особенности, обусловленные экономической отсталостью республики и особой сложностью перехода калмыцкого народа к социализму, минуя капитализм. Долговременные темпы экономического развития требовали от руководства республики постоянного притока рабочей силы, в процессе формирования которой возникали серьезные затруднения. Эта проблема решалась партийными и советскими органами, с одной стороны, путем разрушения традиционного кочевого уклада калмыцкого населения в связи с переходом на оседлый образ жизни, коллективизации и раскрестьянивания, с другой — активизацией миграционной политики из приграничных с Калмыкией территорий.

Трансформация структуры калмыцкого этноса произошла в результате проведения нескольких кампаний по выселению кулаков, зажиточных крестьян и ликвидации их хозяйств, вылившихся в массовые антикрестьянские репрессии. За период с 1929 по 1934 г. в результате массовых репрессий, по неполным данным, в Калмыцкой автономной области были раскулачены 2 195 крестьянских семей, или 14 тыс. человек, из них за пределы области — 1 821, остальные раскулаченные хозяйства были разорены и переселены в «спекулацкие» поселки Калмыкии [Максимов 2004: 100].

В это же время со стороны государства, кроме насильственных действий против крестьянства, проводились активные репрессии против духовенства. В 1930 г. в Калмыкии к тюремным заключениям были приговорены 23 священнослужителя, в том числе 1 православный, 2 протестанта (лютеранин и пятидесятник) и 9 активистов. Летом 1931 г. за контрреволюционные выступления были арестованы более 10 багши, 24 гелюнга во главе с Ламой калмыцкого народа Шарапом Тепкиным. Всего, по данным ОГПУ по Калмыкии, были арестованы 53 священнослужителя, из них 45 осуждены к различным мерам наказания, в том числе 3 священника Русской православной церкви [Максимов 2004: 234–235].

Ускоренная коллективизация, проводившаяся с нарушением принципа добровольности и элементарной законности, вызвала

большие потери в основной отрасли экономики региона — животноводстве. Обобществленный скот, собранный наспех и сконцентрированный на неподготовленных колхозных фермах, в большинстве своем погиб попросту из-за недостатка кормовой базы. Следствием насильственной коллективизации, уничтожения наиболее трудоспособной части крестьянства, непомерных принудительных сельхоззаготовок стал голод 1932–1933 гг., унесший жизни десятка тысяч людей [Бадмаева 2010: 447].

Процесс раскулачивания, репрессии против крестьянства, духовенства проходили в Калмыкии в соответствии с ключевым направлением социальной политики советского государства, нацеленного на поэтапное вытеснение из хозяйственной деятельности всех частнопредпринимательских слоев населения методами налоговой, кооперативной, административной и иной политики, насильственное вытравление из духовной жизни людей религиозного сознания. И проводился данный курс с целенаправленной последовательностью и с не меньшей жестокостью, чем в других регионах СССР.

В конце 1920–1930-х гг. Калмыкия стала одной из составляющих стратегии государственно-партийного руководства по превращению Советской России из страны аграрной в аграрно-индустриальную. В том числе и аграрному региону — Калмыцкой автономной области отводилась роль производственно-сырьевой и продовольственной базы. В этих целях планировалась трансформация традиционных хозяйственных и социальных практик калмыков, и кочевое скотоводство являлось объектом модернизации. Проводимая силовая политика по переводу скотоводов-кочевников и полукочевников на так называемую оседлость, или седентаризации, нанесла серьезный удар по калмыцкому хозяйству, хотя кочевое хозяйство на тот период еще не исчерпало свой экономический потенциал и оставалось во многом целесообразной системой в условиях республики с ее засушливым климатом, слабым растительным покровом, недостаточными источниками водоснабжения. Калмыцким обкомом партии и Облисполкомом были приняты ряд постановлений, направленных на перевод кочевых и

полукочевых хозяйств Калмыкии на оседлый образ жизни. Только в 1921–1937 гг. капитальные вложения на осуществление поставленной задачи составили 77,4 млн руб. [Василенко 1969: 66].

Впервые стратегия перехода к оседлому образу жизни калмыцких номадов получила применение в мерах, разработанных Поволжской колонизационно-мелиоративной комиссией НКЗ РСФСР, обследовавшей территорию Калмыкии с 1924 по 1926 гг. Для более рационального размещения населения и его хозяйствования комиссия предложила распределить территорию области по естественно-историческим, хозяйственным и бытовым условиям на 4 района: земледельческо-скотоводческий, скотоводческо-земледельческий, скотоводческий и рыболовно-скотоводческий [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 667. Л. 291]. Основная деятельность Поволжской экспедиции в 1925 г. была сосредоточена на изучении перспектив хозяйственного развития в низменной части степи и приморской полосе Калмыкии. Кроме того, обследование предполагало подготовить прикладной научный материал для намечающегося землеустройства в более густонаселенных частях этого района с выработкой рекомендаций по применению научно-исследовательских изысканий в конкретных улусах. Так, например, экспедиция пришла к выводу, что территория, известная ныне как «Черные земли», может служить резервным фондом для зимнего выпаса скота. В результате обследования был намечен ряд приоритетных направлений развития области, определено национально-экономическое значение миграции для Калмыкии.

Облисполком намечал завершить обоседление кочевого населения одновременно с землеустройством в течение 7 лет. Миграция калмыков должна была носить планомерный характер. Работа по переводу на оседлость, как и предполагалось, была начата с Большедербетовского улуса (в связи с заселением его территории частью донских и кумских калмыков). Оседло-переселенческой комиссии Большедербетовского улуса пришлось работать в экстремальных условиях: принимать ходоков и уполномоченных от этнических групп калмыков, вести учет переселенцев, бронировать земельные участки для них в размере 12 десятин на едока и

т. д. [ГА РФ. Ф. Р.-1064. Оп. 1. Д. 1. Л. 32–33об.]. Руководство области предпринимало все возможные меры по оказанию посильной помощи переселенцам. Так, осенью 1923 г. им было выделено 200 тыс. пудов ржи, весной 1924 г. — 18 тыс. пудов ржи, а также денежных средств в размере 37 500 руб., в среднем на семью — от 10 до 40 руб. Одной тысяче бедствующих семей было выделено по 60 руб. [Ланцанова 2005:274]. Президиум Госплана 1 ноября 1924 г. предоставил Калмыкии кредит в размере 375 тыс. руб., из которых 350 тыс. руб. направлялись на поддержание переселенческих хозяйств. В том же году помощь фуражом была оказана 800 хозяйствам из 1800 нуждавшихся, при этом нормы выдачи кормов были уменьшены на 25-30% [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 288. Л. 32]. К осени 1924 г. здесь было обустроено 1960 кумских и терских калмыков, 160 оренбургских и 130 уральских калмыков, 200 астраханских и более 8 тыс. донских калмыков. После этого работа по обустройству калмыков-переселенцев была продолжена в Малодербетовском, Манычском, Приволжском, Приморском улусах и западной части Икицохуровского улуса, т. е. в той части Калмыцкой области, где они непосредственно могли заняться земледелием [Отчет ЦИК... 1925: 51].

Весной 1924 г. Поволжская экспедиция обследовала Багацохуровский и Яндыко-Мочажный улусы и определила, что там имеется 759 686 десятин земли, пригодной для создания оседлых поселений калмыков. Всего к концу 1925 г. к оседлому образу жизни перешло 17 365 хозяйств, что составило 55,8 % всех хозяйств Калмыкии. К 1926 г. процесс переселения донских калмыков в область почти завершился [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 354. Л. 228].

Первый опыт массового перехода к оседлости оказался для Калмыкии удачным, несмотря на огромные трудности в координации предпринимаемых действий, в том числе в снабжении продовольствием и разнообразными материалами в местах «оседания» вчерашних скотоводов-кочевников. Миграционная политика, проводимая в области, при всех ее недостатках и просчетах, в целом способствовала активизации хозяйственного освоения Калмыцкой степи.

Перевод на оседлость степных кочевников важен был и с точки зрения создания промышленности на территории области и формирования национального рабочего класса. В урбанизационные процессы была вовлечена, главным образом, та часть калмыцкого населения, на территории которой создавались промышленные индустриальные объекты. Продолжалось строительство населенных пунктов городского типа и административного центра области — города Элисты, где появились небольшие промышленные предприятия. В начале 1933 г. в столице области проживало 8313 человек. Первые ростки рыбной промышленности стали закладываться в рабочем поселке Лагань. В связи с ростом промышленности увеличились удельный вес рабочих в обществе и численность городского населения в столице республики и поселках городского типа, в основном пополнявшегося за счет крестьян из разорившихся деревень и аймаков (сел). В психологии новых рабочих преобладали черты крестьянского менталитета и традиций. Для области промышленная модернизация внесла инновационную волну научно-технической революции: станки, оборудование и т. д. В Элисте и в рабочих поселках постепенно шло формирование рабочих коллективов, где люди овладевали навыками механизированного труда. Коренным образом менялась культура труда бывших кочевников, значительно уменьшилось число безработных. Главным образом изменилась структура населения: заметными темпами увеличивалась доля рабочего класса за счет начавшегося в регионе промышленного строительства. Социальная структура населения в области в 1932 г. по роду занятий выглядела так: колхозное крестьянство — около 50 %, рабочий класс — приблизительно 20 %, служащие — в пределах 15 %, крестьяне-единоличники — 4,5 % [Максимов 2009: 401].

Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г. количественный состав населения Калмыцкой АССР за два года увеличился с 194482 до 220684 чел., то есть на 13,5 %. Городское население за это же время увеличилось с 16347 до 35020 чел. (в том числе русских — 25008, калмыков — 7377), сельское — с 178135 до 185664 чел. [Максимов 2013: 62].

Осуществление индустриализации и подъем хозяйства республики в дальнейшем не могли происходить без одновременного подъема образовательного и культурного уровня населения. Индустриальное и экономическое преобразование общества требовало широкого распространения культуры, первоначальной составляющей которой была ликвидация неграмотности. Новая власть создавала благоприятные предпосылки и условия для позитивных сдвигов в развитии культуры, образования, других сфер жизни. В Калмыкии стали целенаправленно решаться вопросы организации школьного дела для детей и взрослых. Неоценимую помощь автономии в подготовке и обеспечении учительских кадров оказали соседние города — Астрахань, Царицын и др. Однако, несмотря на все усилия, направленные на преодоление неграмотности в Калмыкии, уровень грамотности населения в области в 1920-е гг. не достиг показателей других регионов Нижнего Поволжья.

В марте 1931 г. принято совместное постановление Калмыцкого обкома и Нижневолжского крайкома о проведении в Калмыкии культштурма, направленного на ликвидацию массовой неграмотности среди взрослого населения. В течение 1930–1932 гг. в ряды культармейцев вошло более 5 тыс. чел. из числа учителей, студентов, школьников старших классов и комсомольцев-активистов. Проведение культштурмов обеспечило рост сети литпунктов, библиотек-передвижек, красных уголков. Одним из наиболее заметных достижений этого благородного движения стало создание крупной для Калмыкии библиотеки в 25 тыс. томов [Ташнинов 1969: 164; Сартикова 2008: 126].

Нарастала тенденция ликвидации неграмотности среди женщин-калмычек, ведь в прошлом ее положение было ограничено множеством запретов, исключавших всякое ее участие в общественной и культурной жизни. К концу 1920-х – началу 1930-х гг. ее положение в обществе резко изменилось. Занятость женщин в общественном производстве увеличилась с 1926 г. по 1939 г. с 6,5 до 22,7 % от всех трудящихся. В промышленности в 1938 г. удельный вес женщин составил 13,1 %, строительстве — 12,6 %, транспорте — 2,3 %, связи — 34,9 %. При этом женщины-калмыч-

ки составляли 35,1 % всех работающих женщин [Акугинова 1967: 52]. В 1934 г. число женщин-депутатов в местные советы составил 673 или 28,3 %, членов партии и комсомола — 850 или 35,8 %. За 1924–1934 гг. процент присутствия женщин в органах власти увеличился с 6,9 до 20,1 [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1834. Л. 78]. Экономическая независимость женщин определялась степенью их участия в общественном производстве, поскольку наряду с материнскими заботами на ее плечи легли трудности первых пятилеток, все тяготы форсированной индустриализации и сплошной коллективизации.

Советская история по праву относит борьбу с неграмотностью к числу наиболее высоких достижений тех лет. В 1930-е гг. советскому правительству удалось создать разветвленную систему образовательных учреждений (начальные, семилетние и средние школы) как для детей, так и для взрослых. Только в годы первой пятилетки на нужды народного образования и здравоохранения Калмыцкой автономной области было ассигновано 40 % всего областного бюджета [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 368. Л. 47–48].

К концу 1930-х г. местным руководством было официально заявлено о ликвидации неграмотности в Калмыкии. Между тем, согласно Всесоюзной переписи 1939 г. процент грамотных в возрасте от 9 лет и старше в регионе достиг — 70,8 %. Калмыцкое население в большинстве своем все еще оставалось неграмотным. По-видимому, увеличение числа грамотных связано, в большей степени, не только с проведенными мероприятиями по ликвидации безграмотности, но и с прибытием в Калмыкию из других мест большого числа не просто грамотных людей, но и квалифицированных рабочих, специалистов различных профессий, представителей интеллигенции. Грамотность городского населения среди мужчин (91,5 %) была более распространена, чем среди женщин (75,54), причем уровень грамотности в сельской местности был значительно ниже и составлял у мужчин 76 % и у женщин 60,7 % [Сартикова 2008: 130]. Большая часть калмыцкого населения являлась жителями сельской местности, где мероприятия по ликвидации безграмотности проводились менее интенсивно, чем в

городах и городских поселениях. Немаловажным фактором было и отсутствие должного количества учителей-калмыков, а также учебных материалов.

В целом в годы первой пятилетки уровень грамотности оставался довольно ограниченным. В этот период в области работало 220 школ 1 ступени (17536 учащихся), 7 школ калмыцкой молодежи (989 учащихся), 2 техникума с 430 учащимися, 1 совпартшкола с 202 учащимися, которые в подавляющем своем большинстве направлялись на практическую работу [Корнилова 2005: 53].

Недостаточный уровень образования, знаний требовал более качественной подготовки преподавателей. Наряду с расширением сети школ и техникумов, где учились калмыки, решался вопрос о направлении их для учебы в высшие учебные заведения. Так, в 1929 г. в крупнейшем научном, культурном центре Нижнего Поволжья — в Саратовском государственном университете — при педагогическом факультете было создано Калмыцкое отделение. Саратовский университет в этот период сыграл огромную роль в подготовке учительских кадров и заложил первые предпосылки для дальнейшего развития высшего образования в Калмыкии. В 1933 г., в связи с изменениями в территориальной принадлежности Калмыцкой автономной области, Калмыцкое отделение Саратовского пединститута им. Луначарского передано Астраханскому пединституту им. Кирова. Деятельность указанных отделений на базе саратовского и астраханского вузов обеспечивало возможность подготовить квалифицированные кадры для качественно нового этапа в развитии социально-экономической жизни региона.

В годы второй пятилетки, в период наращивания промышленного потенциала, требовались рабочие новых профессий, связанных с индустриальным производством. Подготовка кадров из числа вчерашних скотоводов велась через ФЗУ гг. Астрахани, Саратова и Сталинграда. Если в 1926 г. в области числилось 4 неквалифицированных строителя и 75 транспортных рабочих, то в 1938 г. подготовленные квалифицированные кадры составляли 7424 чел. со средним образованием и 527 чел. с высшим. Ввод новых пред-

приятый определил рост численности рабочего класса и качественные изменения в его составе. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в Калмыкии насчитывалось около 15 тыс. рабочих, занятых в промышленности, строительстве, транспорте и связи, считая предприятия кустарной и колхозной промышленности [НА РК. Ф. Р.-136. Оп. 1. Д. 1252. Л.24 об].

Таким образом, экономическая, социально-культурная и переселенческая политика в значительной степени оказывали влияние на изменение социальной структуры Калмыкии в 1920–1930-е гг. Доминирующим видом собственности, как и по всей стране, стала государственная форма (государственная и колхозно-кооперативная). Изменилась структура сельского населения, произошло сокращение численности крестьян-единоличников, исчезли такие социальные группы, как кулаки и батраки, появилась новая социальная категория населения — класс колхозного крестьянства. Заметно увеличилось городское население, численность национальных рабочих кадров, служащих, интеллигенции. Коллективизация сельского хозяйства и индустриализация Калмыкии, несмотря на чрезвычайную сложность и трагичность политических процессов, стали базовой основой крупных социально-экономических, демографических и культурных изменений в жизни народов Калмыкии.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)

Литература

Акугинова С. Д. Всесоюзная перепись населения 1939 г. как источник по истории Калмыцкой АССР // Вестник института. Вып. 2. Сер. истор. Элиста, 1967. С. 47–71.

Бадмаева Е. Н. Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2010. 544 с.

Василенко Н. В. К вопросу оседания кочевых и полукочевых хозяйств в Калмыкии (годы предвоенных пятилеток) // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 8. Сер. истор. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. С. 65–76.

Корнилова И. М. Становление и развитие высшего образования в Калмыкии (1920–2005). Элиста: АПП «Джангар», 2005. 180 с.

Ланцанова Л. Ю. Переселение калмыцкого Оренбуржья, Урала, Кавказа и Дона в Калмыцкую автономную область // Калмыкия — субъект Российской Федерации: история и современность: Мат-лы рос. науч. конф. (6–7 октября 2005 г.). Элиста: КГУ, 2005. С. 274–283.

Ленин В. И. Великий почин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. 461 с.

Максимов К. Н. Калмыкия в годы форсированного строительства социализма // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 2. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. 838 с.

Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Издат. дом «Герел», 2013. 463 с.

Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.

Отчет ЦИК автономной области трудового калмыцкого народа VI общекалмыцкому съезду Советов. Астрахань, 1925. 56 с.

Сартикова Е. В. Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке: Монография / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 406 с.

Ташинов Н. Ш. Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР. Элиста, 1969. 212 с.